

RU

Роль наименований продуктов питания и одежды в создании образа русских в англоязычных путевых заметках о России XIX века

Гладкова О. Х.

Аннотация. Цель исследования - определить роль наименований национальных блюд и одежды в формировании образа «русские» в англоязычных путевых заметках. Научная новизна исследования заключается в том, что в нём впервые анализируются элементы русского быта на материале малоизученных англоязычных путевых заметок XIX века. В результате исследования было установлено, что быт, как неотъемлемая часть культуры общества, формирует достоверный национальный образ и раскрывает его особенности. Элементы русского быта репрезентируются в тексте с помощью ксенонимов, которые в большинстве случаев дополняются авторским комментарием. Также описание русского предметного мира отличается маркированием чужести и субъективной авторской оценкой.

EN

Role of Food and Clothes Names in Creating the Russians' Image in English-Language Travel Notes about Russia in the 19th Century

Gladkova O. K.

Abstract. The aim of the study is to determine the role of the national dishes and clothes names in the formation of the image of the “Russians” in English-language travel notes. The scientific novelty lies in the fact that for the first time it analyses the elements of the Russian life by the material of little-studied English-language travel notes of the 19th century. As a result, it has been found that daily life, as an integral part of the society culture, forms a reliable national image and reveals its features. The elements of the Russian daily life are represented in the text with the help of xenonyms, which in most cases are supplemented by the author’s commentary. Also, the description of the Russian objective world is distinguished by marking of alienness and the author’s subjective assessment.

Введение

Литература путешествий всегда была не только необходимым источником географических и этнографических данных, но и одним из самых популярных и востребованных литературных жанров. Такой интерес был обусловлен потребностью читателя в правдоподобном и детальном описании чужой культуры, что способствовало «открытию» границ неизведанного мира.

Путевые заметки – одна из разновидностей литературы путешествий, которая представляет собой «своеобразный симбиоз документального и художественного» (Скибина, 2003, с. 91). Актуальность данного исследования обусловлена тем, что оно находится в рамках антропоцентрической парадигмы и посвящено лингвистическим аспектам формирования достоверного образа в путевых произведениях о России XIX века на английском языке. Кроме того, настоящее исследование связано с определением специфических языковых черт путевых заметок, которые в значительной степени участвуют в формировании образа русских. Особую значимость в этом случае приобретает культурно-маркированная лексика, с помощью которой автор стремится достоверно описать русский быт, сохранив его национальный колорит.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: определить терминологический статус персонажа путевых заметок; указать наиболее значимые элементы быта, которые участвуют в создании образа русских; установить основные способы репрезентации образа русских; систематизировать полученные данные.

Решение поставленной цели и основных задач определили привлечение следующих методов исследования: общенаучных – анализа и синтеза эмпирического материала; лингвистических – описательного метода, обобщения и классификации оценочных смыслов, метода семантического анализа, метода контекстуального анализа.

Теоретической базой исследования послужили труды, посвящённые литературоведческому анализу (Головченко, 2017; Маслова, 1980; Скибина, 2003; Шадрина, 2003; Borm, 2004; Korte, 2000; Thompson, 2011; Turner, 2010); проблеме определения образа: в художественном тексте (Камалова, 2020; Храпченко, 1986; Щирова, 2003); в политическом дискурсе (Мезенин, 1993; Наумова, 2004; Панасюк, 2005; Семененко, 2008); в семиотике и семантике (Агеев, 2002; Арутюнова, 1988; Апресян, 1995; Барт, 1989; Лотман, 2001; Стернин, Розенфельд, 2008) и культурологии (Арутюнов, 2001; Богатырев, 1971; Каган, 1996; Лаврентьева, 2011; Лотман, 1994). Кроме того, определяющими содержание исследования стали работы в области переводоведения (Бархударов, 1975; Виноградов, 2001; Влахов, Флорин, 1986; Кабакчи, 1998; Казакова, 2001; Комиссаров, 1990).

Практическая значимость исследования заключается в том, что полученные результаты могут быть использованы в вузах лингвистического профиля в преподавании курсов лексикологии английского языка, лингвистики текста, лингвокультурологии, а также в практике написания курсовых и выпускных квалификационных работ в рамках упомянутых дисциплин.

Основная часть

Диффузность самого жанра литературы путешествий определила амбивалентный статус путевых заметок. Анализ отечественной (Маслова, 1980; Шадрина, 2003; Скибина, 2003; Головченко, 2017) и зарубежной (Turner, 2010; Korte, 2000; Borm, 2004; Thompson, 2011) литературы позволяет утверждать, что границы данного текстотипа размыты и отличаются структурным и содержательным разнообразием. Тем не менее отсутствие строгих жанровых границ не лишают тексты путевых заметок определённых тексто-типологических черт: синкретизм, целостность и связность, дискретность, субъективность повествования, наличие бинарной оппозиции «свой-чужой», образ автора и адресата.

С позиции антропоцентрической парадигмы триада автор-читатель-персонаж является «концептуальным носителем сущностного литературного текста» (Щирова, Гончарова, 2007, с. 316). В путевых заметках это единство выполняет текстообразующую роль. В рамках данного исследования центральное положение в этой триаде занимает персонаж. В путевых заметках персонаж специфичен, это не ментальный конструкт, придуманный автором, а авторское видение реально существующих людей – русских. Персонаж путевых заметок далек от художественного образа, он должен быть достоверным и документальным. Данная реалистичность обусловлена задачами, стоящими перед путешественником: увидеть и описать незнакомый мир, зафиксировать достоверную информацию о природе, быте, традициях и других реалиях культуры. Так, опираясь на факты, автор по частям создаёт собирательный образ целого народа.

Возможность автора быть свидетелем жизни русских позволяет ему отбирать важную информацию, выстраивая свою иерархию фактов. При описании персонажа автор выбирает лексические средства, которыми он репрезентирует ментальный конструкт «русские».

При определении статуса персонажа в путевых заметках необходимо разграничить понятия «имидж» и «образ». Термин «образ» трактуется широко, являясь одним из ключевых понятий в психологии, философии, семиотике, литературе и языкознании. Данное условие определяет междисциплинарность термина и не позволяет очертить строгие рамки данного понятия. Тем не менее анализ научной литературы позволил определить основные ипостаси «образа», что в свою очередь свидетельствует о сложности и многомерности объекта исследования.

Н. Д. Арутюнова (1988), И. А. Стернин и М. Я. Розенфельд (2008, с. 320) рассматривают образ как категорию сознания. «Образ-концепт» является итогом отбора и обобщения информации, а также результатом накопленного опыта. Реальный предметный мир является стимулом создания образов. Однако образ создается не только за счёт внешних характеристик объекта, но и с помощью его внутренних, содержательных черт. Так образ трансформируется из «формы-материи» в «форму-смысл» (с. 313).

Ряд ученых утверждает, что образ семиотичен (Лотман, 2001; Барт, 1989; Апресян, 1995; Агеев, 2002). По их мнению, «образ-знак» характеризуется многозначностью и разнообразием толкований. По-своему интерпретировать образ способен не только автор, создающий его, но и читатель. Образ другой культуры целенаправлен и адресован своему читателю. Читатель способен декодировать и понять «образ-знак», опираясь на общую с автором систему ценностей.

С. М. Мезенин (1993, с. 49), напротив, рассматривает отношение «образ-знак» не как тождество, а как оппозицию. Он полагает, что знак всегда объективен, а образ – субъективен. По мнению Мезенина, субъективность образа обусловлена его изоморфностью. Образ сходен с изображаемой действительностью, но это отражение лишь приблизительно верно. Субъект интерпретирует образ в своём сознании и передает его сквозь призму собственного восприятия. Однако в путевых заметках образ окружающего мира должен стремиться к достоверности и документальности. Полагаем, что авторская субъективность не искажает образ, а лишь дополняет и наделяет его эмоциональным компонентом. Необходимость документально точно передать образ мотивирует автора заметок сделать его реальным и понятным для адресата.

Согласимся с мнением И. А. Щировой (2003, с. 114), которая полагает, что «образ-картина» или «образ-отпечаток» фиксирует и точно передаёт происходящее. Достоверность «картины» достигается посредством статичных и динамичных образов, образуя в совокупности «образный ландшафт». Данные образы создаются на уровне сенсорных процессов с помощью работы органов чувств (образы зрительные, слуховые, тактильные, обонятельные и вкусовые). Именно перцептивность образа является той функцией, которая делает возможным изобразить реальный предметный мир, его внешнюю осязаемую оболочку (Арутюнова, 1988; Стернин, Розенфельд, 2008; Мезенин, 1993; Храпченко, 1986; Щирова, 2003). «Даже когда образ создается заочно... он всё равно зрим» (Арутюнова, 1988, с. 315).

Вербальная репрезентация образов в путевых заметках может дополняться различными статистическими данными, цитатами из официальных документов, портретами и другими иллюстрациями, обеспечивающими создание комплексного образа описываемого объекта.

Оправданно предположить, что правдоподобие изображенного мира формируется не только на основе первичных сенсорно-перцептивных образов и документальных фактов. Будучи понятием неотделимым от человеческого мышления, образ фиксирует чувства и впечатления автора, его духовный и социальный опыт, его ожидания и умозаключения. Так создается вторичный образ, обобщенный портрет и объёмная картина человеческой жизни. (Виноградов, 2001; Каган, 1996; Щирова, 2003; Храпченко, 1986; Стернин, Розенфельд, 2008). Совокупность документальной точности внешнего облика и авторской экспрессивности «оживляет» образ, делает его актуальным и релевантным. Сведение какого-либо текста к одной функции противоречит языковой действительности. Следовательно, и сами путевые заметки как текст не сводятся к одной лишь функции – созданию достоверного образа русских. Стремление автора точно передать образ другого народа не лишает его права выражать собственные установки.

Справедливо заметить, что образ – это сложное понятие, находящееся на стыке не только лингвистики и литературоведения, но и других гуманитарных наук. Разные критерии, положенные в основу трактовок термина «образ» (образ-концепт, образ-знак, образ-картина), предполагают многослойность определения. Образ является результатом реконструкции объекта в сознании человека, и это отражение всегда уникально и субъективно. Первичный образ создается на основе органов чувств и, пройдя сквозь призму авторского сознания, приобретает вторичные признаки – экспрессивность, эмоциональность и, как следствие, соотносённость с действительностью. Образ, созданный в воображении автора, локализуется в тексте посредством языка.

Рассматривая образ в контексте путевых заметок, важно отметить культурную маркированность этого термина. Очевидно, что понятие «русские» преобладает в культурологическом контексте, когда речь идёт не только о раскрытии внешних особенностей объекта, но и его специфических культурных черт. В этом случае нередко происходит смысловое замещение понятий «образ» и «имидж».

С одной стороны, при определении заимствованного из английского языка слова *image* большинство исследователей используют слово «образ», в дальнейшем оперируя ими как тождественными понятиями. С другой стороны, при определении понятия «образ», слово «имидж» не несёт пояснительную функцию. Подобное несоответствие в дефинициях не является единственным расхождением.

«Имидж», как правило, рассматривается в контексте общественной деятельности, а также на материале политического медиадискурса (Арутюнова, 1988; Камалова, 2020; Панасюк, 2005; Наумова, 2004; Семененко, 2008). «Образ» обладает более широким контекстуальным полем использования, его функционирование не ограничено тем или иным дискурсом.

По мнению Н. Д. Арутюновой (1988, с. 318), образ возникает в сознании человека стихийно и произвольно. Тем не менее в путевых заметках образ целенаправлен и адресован, тем самым не лишен авторского замысла воздействия на читателя. Имидж также создается целенаправленно, но он намеренно корректируется при участии экспертного мнения. Следовательно, «имиджирование» (Наумова, 2004, с. 10) – это симбиоз подобранных характеристик и черт объекта, выгодных для конкретной цели создания этого медиаобраза. Созданный «с управляемой интерпретацией», имидж заведомо фиксируется в сознании читателя, как только положительный или отрицательный (Камалова, 2020, с. 50). Образ обладает более подвижной и полной градуальностью, он может быть положительным, нейтральным или отрицательным. Лингвистическая категория градуальности выражает «мерительное» отношение субъекта к объекту. Восприятие образа другого народа и его культуры сопровождается разнообразным спектром человеческих эмоций и чувств.

В путешествии образ в первую очередь создаётся с помощью элементов культуры. Путешествие предполагает погружение в другую культуру, где границы между «своим миром» и «чужим миром» в сознании автора путешественника «очерчиваются» с помощью описания иных национальных особенностей. Материальные вещи становятся «говорящими» (Каган, 1996, с. 142), маркируют национальную идентичность и дополняют образ народа определенной эпохи, культуры и национальности. Вслед за М. С. Каганом полагаем, что описание предметного мира занимает важное место в образном представлении среды, помогает лучше понять характер и психологию народа.

Предметный мир отражает быт человека. Быт, по мнению М. Ю. Лотмана (1994, с. 5), «есть протекание жизни в реально-практических формах», он проникает в пространство культуры и является её неотъемлемой частью. Собственный быт кажется естественной нормой, в то время как особенности чужого быта вызывают особый интерес, определяют контраст между «своим» и «чужим».

На основе анализа англоязычных путевых заметок о России XIX века можно сделать вывод, что наиболее эффективным средством репрезентации образа русских через описание быта является культурно-маркированная лексика. В разных лингвистических работах приняты различные термины для обозначения культурно-маркированной лексики, именуемой предметами и явлениями действительности, не имеющие эквивалентов в других языках: культурные реалии, экзотизмы, культуронимы и др. (Бархударов, 1975; Казакова, 2001; Комиссаров, 1990; Влахов, Флорин, 1986). Полагаем, что наиболее приемлемым для данного исследования является более широкий термин «культуроним», введенный В. В. Кабакчи (1998, с. 16.) в теории межкультурной коммуникации. Культуронимы – это языковые единицы, закрепленные за элементами культуры. Культуронимы делятся на полионимы (слова, отражающие общность мировой культуры землян), идионимы (слова, обозначающие специфические элементы внутренней культуры) и ксенонимы (слова, обозначающие специфические элементы внешних культур).

Используя разработанную В. В. Кабакчи (1998) тематическую классификацию, ксенонимы возможно разделить на следующие группы: географическая лексика (Moscow, Neva); историческая лексика (Borodino, starosta); политическая лексика (tzar, boyars); религия (old faith, Orthodox church); образование и наука (seminary, aspirant); литература и искусство (Bolshoi Theatre, War and Peace); традиции и быт (samovar, isba) (с. 22).

Проанализировав пять текстов англоязычных путевых заметок XIX века, удалось сгруппировать фрагменты текстов, которые являются наиболее показательными при описании русского быта с использованием культурно маркированной лексики. Среди них – наименования блюд/продуктов питания и одежды. Данные элементы образа русских представлены большим объёмом фактологического материала.

Значимую роль в определении национальной идентичности играют кулинарные традиции. Под кулинарными традициями подразумеваются: 1) продукты и блюда; 2) кухонная утварь; 3) способы приготовления; 4) ритуалы, связанные с принятием пищи (Лаврентьева, 2011, с. 23). По мнению этнографа С. А. Арутюнова (2001), именно продукты питания и приготовленные из них блюда закрепляются в жизни общества значительно прочнее, чем большинство других форм материальной культуры. Пища отражает не только кулинарные предпочтения, но и становится маркером социального статуса и благополучия, ритуальности или повседневности трапезы, региональности и исторического периода.

Согласно результатам эмпирического исследования, особенности русской кухни представлены во всех анализируемых путевых заметках. В результате исследования удалось определить основные способы репрезентации русских кулинарных традиций (продукты питания, блюда, напитки): 1) отдельный ксеноним или ксенонимичный комплекс; 2) маркирование чужести; 3) маркирование оценочности.

Использование одиночных ксенонимов в путевых заметках встречается значительно реже, чем ксенонимы с авторским комментарием. Авторы, рассчитывая на «своего» читателя, стремятся к доступному изложению, прибегая к различным способам ксенонимической номинации (Кабакчи, 1998, с. 155). В рассмотренных примерах пояснение ксенонимов происходит с помощью: 1) лексемы-аналога (*chi or tea*); 2) словосочетания или целого предложения, иногда вводимых лексическими оборотами *called, they call, a kind of (stchi, or sour cabbage soup / щи, или суп из кислой капусты; wheaten bread made into loaves called Saiky / пшеничный хлеб в форме буханки, называемый Сайка* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – О. Г.) или сравнительным оборотом *like (bleeny being a kind of cake which is somewhat like an English crumpet / блины – это разновидность выпечки, чем-то похожая на английские крапеты)*; ксенонимичной модели прилагательного *Russian* + существительное (*Russian soup, Russian beverage*).

Так, например, Роберт Лайалл (Lyal, 1825) в своих заметках “Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia” фиксирует особенности русской кухни, используя ксеноним: “*Vodtki... bread, butter, and cheese, formed the principal part of our meal*” (с. 36). / «Водка... хлеб, масло и сыр составили основную часть нашего обеда»; или ксеноним с небольшим авторским комментарием: “...one of the young women called her father, and presented him with a pot of vinegar, or *Quass*, the Russian beverage” (с. 451). / «...одна из молодых женщин позвала своего отца и протянула ему горшочек уксуса или *Кваса*, русского напитка».

Роберт Листер Венаблс (Lister Venables, 1839), упоминая одно из самых популярных русских блюд – блины, прибегает к дополнительному комментарию: “...a *bleeny* being a kind of cake which is somewhat like an English crumpet, and is eaten with butter” (с. 244). / «...блины – это разновидность выпечки, чем-то похожая на английские крапеты, их едят с маслом».

Английский путешественник Роберт Харрисон (Harrison, 1855) также отмечает особенности русской кухни. Названия напитков и кондитерских изделий в его заметках вербализуются по средствам ксенонимов и дополнительных комментариев к ним:

“I was once led thither to taste of the various kinds and qualities of Russian *mead* – a sweet and sparkling beverage. There is apple *mead*, and currant *mead*, and raspberry *mead*” (с. 80). / «Меня туда однажды привели, чтобы попробовать различные вкусы русского мёда – сладкого и газированного напитка. Мёд бывает яблочный, смородиновый, малиновый»;

“Moscow is also famous for its wheaten bread made into loaves called *Saiky*” (с. 80). / «Москва также славится своим пшеничным хлебом в форме буханки, который называется *Сайка*»;

“Mattvey entered with much reverence, bearing in one hand a tumbler of hot *chi*, or tea” (с. 226). / «Матвей вошёл, кланяясь, держа в руке стакан горячего чая».

Автор считает важным использовать не только общепонятную лексику *tea*, но и кулинароним *chi*, с целью подчеркнуть особенный и чуждый способ употребления этого напитка, характерный именно для русского чаепития. В данном примере прослеживается следующий способ – маркирование чужести русской традиции чаепития: “Their mode of drinking – is rather peculiar; the tea, without cream or sugar, is sipped from the saucer which is held nicely balanced on three fingers of the left hand; the right hand holds a lump of sugar, from which the possessor nibbles a portion, and keeping it between his teeth, sucks the warm liquid through it” (с. 82). / «У них необычная манера пить чай; чай без сливок и сахара отхлёбывают из блюдца, которое удерживают тремя пальцами левой руки; в правой руке держат кусок сахара; откусив часть сахара, они держат его между зубами, потягивая через него теплый напиток».

Чужесть русской традиции пить чай с сахаром «вприкуску» была отмечена и в заметках Ричарда Листера Венаблса (Lister Venables, 1839). Однако в данном случае используется общеизвестный полионим *tea*, непохожесть и необычность традиции автор усиливает с помощью других средств – местоимений *they, their, these (people)*. С помощью многократного повторения этих местоимений автор создаёт чёткую границу между «они» и «мы», маркируя этот напиток как «чужой»:

"These people do not put sugar into *their* cups in the ordinary way, but *they* either hold a lump between *their* teeth and sip the *tea* through it, or else *they* hold it in the left hand, and nibble off a little bit every now and then, as *they* drink *their* tea" (с. 84). / «Этот народ не кладёт сахар в чашку обычным образом, они либо держат кусок сахара в зубах, пропуская чай через него, либо они держат его в левой руке и откусывают понемногу, пока пьют чай».

Чуждость русской пищи, которая достигается с помощью использования ксенонимов, возможно также проследить в путевых заметках «Путешествия из Риги в Крым». В своих заметках Мэри Холдернес (Holderness, 1821), рассказывая о жизни русских крестьян и их кулинарных предпочтениях, сравнивает чужую русскую пищу с привычной ей английской: "The common drink of the Russian is *kvass*, which is not so good as our small beer" (с. 22). / «Привычный напиток русских – *квас*, который не так хорош, как наше лёгкое пиво».

Однако наряду с оппозицией «свой – чужой» прослеживается и оценка русского кваса: свой напиток (*small beer*) – хороший, а чужой (*kvass*) – плохой.

Способ репрезентации русской кухни за счет маркирования оценочности возможно доказать и другими примерами:

"...the incautious use of the common spirit they call *vatki* overpowers their faculties" (с. 21). / «...неосмотрительное потребление крепкого спиртного, которое они называют *вятки*, угнетает все их физические способности»;

"...you can procure those incomparable products of the Russian cuisine, *stchy* and *borsh*. They are both works of art" (с. 74). / «...вы можете попробовать те бесподобные блюда русской кухни, *щи* и *борщ*. Это произведения искусства»;

"And there is also another Russian soup that is much celebrated in the empire – *botvinia*" (Sala, 1858, с. 75). / «А также есть другой русский суп – *ботвинья*, который очень почитают в империи»;

"...it was most likely *stchi*, or sour cabbage soup, which is a favourite dish of the Russians" (Lyall, 1825, с. 254) / «...скорее всего это были *щи* или суп из кислой капусты, любимое блюдо русских»;

"The fish of the Volga indeed are renowned; the *beluga* for its great size, the *sterlet* for its delicate flavour, and the *sturgeon* for its roe, which makes the favourite Russian comestible called *caviar*" (Harrison, 1855, с. 98). / «Волга славится своей рыбой; *белуга* – своим большим размером, *стерлядь* – нежным вкусом, *осётр* – своими молоками, из которых делают любимое русское яство – *икру*»;

"There was a kind of cold soup called *Batvinia*, of which the Russians appeared very fond..." (Lister Venables, 1839, с. 8). / «Там был холодный суп *Ботвинья*, который, как оказалось, русские очень любят».

В приведенных примерах оценка маркируется по средствам лексических единиц как с положительным оценочным компонентом (*art, celebrated, favourite, delicate, flavour, renowned, fond*), так и отрицательной оценочной импликацией (*incautious, overpower*).

Наряду с кулинарными традициями народный костюм играет важную роль в репрезентации образа русских. Отдельные элементы национальной одежды содержат информацию о социальном статусе, этносе, профессии, религии, гендерной принадлежности и возрасте ее владельца. По мнению П. Г. Богатырева (1971, с. 6), национальный костюм – это особый вид семиотической системы, значение которой выходит за рамки обывательского представления.

Описание национальной одежды в путевых заметках о России также поддается классификации согласно установленным способам репрезентации «русских». Наименования элементов одежды осуществляются не только по средствам ксенонимов, но и маркируются по степени чужести и авторской оценки.

Пожалуй, самое большое внимание национальной одежде уделяет Мэри Холдернес (Holderness, 1821). Она описывает национальные костюмы разных этнических групп, населявших Россию (русских, крымских татар, болгар, армян и евреев), а также отдельно мужскую, женскую и детскую одежду. Примером послужит небольшой отрывок из описания крестьянской одежды:

"The costume of the Russian peasant is very different to the English, and consequently very striking to English eyes. The man's dress consists of a shirt of very *coarse* linen; a large pair of boots, or sometimes very *coarse* stockings... coat of extremely *coarse* woolen cloth, often made with a hood: a cap of *coarse* cloth with a broad fur..." (с. 35). / «Костюм русского крестьянина очень отличается от английского и поэтому очень бросается в глаза. Мужской костюм состоит из рубашки из очень *грубой* ткани; пары больших ботинок или иногда очень *грубых* носков... пальто из очень *грубой* шерсти с капюшоном: головным убором из *грубой* ткани с мехом».

В описании внешнего облика крестьянина отсутствуют ксенонимы, однако противопоставление *the Russian – the English* создаёт образ, непохожий на свой. С помощью многократного повторения лексемы *coarse* (усиленного интенсификаторами *very, extremely*) эксплицитно маркируется отрицательная оценка внешнего вида русских крестьян.

Британский писатель и журналист Джордж Сала (Sala, 1858), путешествуя по России, также уделил внимание русскому костюму. Так, например, он не только подробно описывает женские головные уборы, используя дополнительный комментарий, но и выражает собственную оценку:

"On her head, the Baba wears a very old, foal, dingy, frayed, and sleezy yellow *shawl*, tied carelessly under her head... For Sundays and feast days she has the *kakoschnik*. The *kakoschnik* is a shallow shako... terminated at the back with a short, fan-like veil of white lace. The *kakoschnik* is decorated with trinkets, spangles, silver copeck pieces, gold-lace according to her degree in the peasant hierarchy, seed-pearls, and, in extreme cases of wealth, real precious stones" (с. 296). / «На голове Баба носит старый, выцветший, поношенный, неопрятный желтый *платок*, неаккуратно завязанный под подбородком... По Воскресеньям и праздникам она надевает *кокошник*. *Кокошник* – это плоский кивер, который сзади представляет собой короткую фату из кружева в виде

веера. Кокошник украшен разными безделушками, блёстками, серебряными копейками, золотой тесьмой в зависимости от ее статуса в крестьянской иерархии, мелким жемчугом, а в случае особого богатства – настоящими драгоценными камнями».

Женская шаль наделяется отрицательной авторской оценкой за счёт использования лексем с отрицательным коннотативным значением (*old, dingy, frayed, sleazy, carelessly*). Кокошник же описан исключительно положительно, о чем можно судить по использованным лексемам в описании этого головного убора (*white lace, silver, pearls, wealth, precious*).

Остальные отрывки из заметок Джорджа Салы и других путешественников содержат лишь ксенонимы с комментарием без дополнительной авторской оценки:

“The Starosta must have a fur robe, too – it must be a foxskin *schouba*” (с. 262). / «Староста должен иметь меховое пальто – это должна быть лисья *шуба*»;

“You may often see peasant girls and young men returning from the day’s work wearing *lapti*, or bark-basket shoes” (с. 261). / «Часто можно заметить крестьянских девушек и молодых людей, возвращающихся с работы в *лаптях*, или берестяной обуви»;

“...he had ploughed his father’s field, wearing the *laptie* – plaited bark shoes used only by the poor peasantry” (Harrison, 1855, с. 132). / «...он вспахал отцовское поле в *лаптях* – обуви из плетеной коры, которую носят только бедные крестьяне»;

“Cotton trousers tucked into high boots... and camlet *caftan* bound round with a sash constitute the whole outward of the *moojik*... a common female costume, which consists of a *sarafan*” (Harrison, 1855, с. 213). / «Хлопковые штаны, заправленные в сапоги... и шерстяной *кафтан*, завязанный на поясе, составляют внешний вид мужика... обычный женский костюм состоит из *сарафана*».

Таким образом, рассмотрев два элемента русского быта – продукты питания/блюда и одежду, полагаем, что быт является зеркалом жизни народа, его традиций, ритуалов и типового уклада. Благодаря описанию русского быта раскрывается характер персонажа англоязычных заметок – «русские».

Заключение

В результате данного исследования можем сделать следующие выводы. Во-первых, «образ» является ключевым термином при определении статуса персонажа англоязычных путевых заметок о России. Образ является реализацией авторской интенции. Во-вторых, образ не наделен только положительными или отрицательными чертами, что определяет его оценочно амбивалентный характер. Он многогранен и создается из множества различных деталей, которые не встраиваются в жесткую рамку «хорошо – плохо».

Характер образа «русские» в путевых заметках раскрывается благодаря описанию таких элементов русского быта, как продукты питания/блюда и одежда. Данные наименования представлены в анализируемых текстах большим количеством фактологического материала.

В результате анализа удалось установить, что значимую роль в языковой репрезентации русского быта занимают ксенонимы. Использование ксенонимов для репрезентации русской кухни и одежды повышает ценность заметок как текстов иноязычного описания культуры. Авторы путевых заметок стремятся наиболее достоверно и понятно передать образ русских. Поэтому в большинстве случаев ксенонимы, которые фиксируются в тексте с помощью транслитерации, дополняются авторским комментарием в виде одной лексемы, словосочетания или предложения.

Зачастую дополнительные комментарии не лишены авторской оценки. Языковая репрезентация оценки представлена как узуальными средствами, так и окказиональными коннотациями, которые приобретают ту или иную оценочную направленность в рамках контекста. При этом автор не концентрирует своё внимание исключительно на положительных или отрицательных характеристиках персонажа, оставляя читателю возможность для самостоятельной интерпретации. При репрезентации «русских» описание национальных блюд чаще маркируется авторской оценкой, нежели описание одежды. Данный вывод подтверждает факт значительной роли кулинарных традиций в определении уникального национального образа.

Автор заинтересован доступно передать бытовые особенности жизни русских. Данная ясность достигается за счет сравнения и противопоставления «свой – чужой», где «свой» – это быт, привычный для автора и читателя, а «чужой» – быт русских. Категория «чужой» позволяет четко выделить персонаж и сделать его более контрастным на фоне привычных норм. Чуждость вербализуется в тексте с помощью различных лексических средств, создающих эффект сравнения и противопоставления.

Перспективы дальнейшего исследования состоят в рассмотрении образа русских на материале англоязычных путевых заметок XX века. Данный период отличается значимыми историческими событиями, которые могли повлиять на репрезентацию образа русских в путевых заметках. На основе сравнительного анализа представляется возможным проследить возможные отличия и установить, как эти изменения маркируются по средствам языка.

Источники | References

1. Агеев В. Н. Семиотика. М.: Весь Мир, 2002.
2. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: синонимические средства языка. М.: Языки русской культуры, 1995.
3. Арутюнов С. А. Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М.: Наука, 2001.

4. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.
5. Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер с франц. М.: Прогресс, 1989.
6. Бархударов Л. С. Язык и перевод. М.: Междунар. отношения, 1975.
7. Богатырев П. Г. Вопросы теории народного искусства. М.: Искусство, 1971.
8. Виноградов В. С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Изд-во Института общего среднего образования РАО, 2001.
9. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе. Изд-е 2-е, испр. и доп. М.: Высшая школа, 1986.
10. Головченко И. Ф. Эволюция жанра путешествия в мировой литературе // Культура и цивилизация. 2017. Т. 7. № 1А.
11. Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
12. Каган М. С. Философия культуры: учебное пособие. СПб., 1996.
13. Казакова Т. А. Практические основы перевода ENGLISH - RUSSIAN. СПб.: Союз, 2001.
14. Камалова С. Д. Образ «чужих» в мультикультурной литературе с позиции лингвистической имагологии (на материале англоязычной художественной литературы о палестино-израильском конфликте): дисс. ... к. филол. н. М., 2020.
15. Комиссаров В. Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): учебник для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1990.
16. Лаврентьева Л. С. Русский народ: культура, обычаи, обряды. СПб.: Паритет, 2011.
17. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII - начало XIX в.). Изд-е 2-е, доп. СПб.: Искусство-СПб, 1994.
18. Лотман Ю. М. Семиосфера. СПб.: Искусство-СПб, 2001.
19. Маслова Н. М. Путевой очерк: проблемы жанра. М.: Знание, 1980.
20. Мезенин С. М. Образность как лингвистическая категория // Вопросы языкознания. 1993. Вып. 6.
21. Наумова С. А. Имиджология: учебное пособие. Томск: Томский политехнический университет, 2004.
22. Панасюк А. Ю. Формирование имиджа. М., 2005.
23. Семененко И. С. Образы и имиджи в дискурсе национальной идентичности, 2008.
24. Скибина О. М. Творчество В. Л. Кигна-Дедлова: проблематика и поэтика. Оренбург, 2003.
25. Стернин И. А., Розенфельд М. Я. Слово и образ: монография. Воронеж: Истоки, 2008.
26. Храпченко М. Б. Горизонты художественного образа. М.: Художественная литература, 1986.
27. Шадрина М. Г. Эволюция языка «путешествий»: дисс. ... д. филол. н. М., 2003.
28. Щирова И. А. Психологический текст: деталь и образ. СПб.: РГПУ им. А. И. Герцена, 2003.
29. Щирова И. А., Гончарова Е. А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учебное пособие. СПб.: Книжный Дом, 2007.
30. Borm J. Defining Travel: On the Travel Book, Travel Writing and Terminology. L.: Routledge, 2004.
31. Harrison R. Notes of a nine years' residence in Russia, from 1844 to 1853: With notices of the tzars Nicholas I and Alexander II. L., 1855.
32. Holderness M. Journey from Riga to the Crimea: By way of Kiev: With some account of the colonization, and the manners and customs of the colonists of New Russia: To which are added, Notes relating to the Crim Tatars. L., 1821.
33. Korte B. English Travel Writing from Pilgrimages to Postcolonial Explorations. L.: Palgrave Macmillan, 2000.
34. Lister Venables R. L. Domestic scenes in Russia: In a series of letters describing a year's residence in that country, chiefly in the interior. L., 1839.
35. Lyall R. Travels in Russia, the Krimea, the Caucasus, and Georgia: in 2 vol. L.: T. Cadell, 1825. Vol. 1.
36. Sala G. A. A Journey Due North: Being Notes of a Residence in Russia. L., 1858.
37. Thompson C. Travel writing. N. Y., 2011.
38. Turner K. British Travel Writers in Europe 1750-1800: Authorship, Gender and National Identity // Studies in European Cultural Transition. 2010. Vol. 10.

Информация об авторах | Author information



Гладкова Ольга Хвтисовна¹
¹ Псковский государственный университет



Gladkova Olga Khvtisovna¹
¹ Pskov State University

¹ olga.lexter@gmail.com

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 13.06.2022; опубликовано (published): 29.07.2022.

Ключевые слова (keywords): путевые заметки; образ; ксенонимы; категория «чужой»; оценка; travel notes; image; xenonyms; category of “alien”; assessment.